

Польский фактор во внешней политике Украины

Юрий Седякин,

кандидат исторических наук,
советник Второго департамента
стран СНГ МИД РФ

Украина продолжает активизировать отношения с Польшей, которую считает одним из основных стратегических партнеров (наряду с ЕС, США и Россией), особенно при реализации своих европейских и евроатлантических устремлений.

Текущее сотрудничество двух стран осуществляется на основании недавно подписанной "дорожной карты" на 2007–2008 гг. Политический диалог идет на уровне первых лиц и министров иностранных дел обоих государств.

Например, братья Качинские наносили свои визиты на Украину в течение 2006 г., украинские президент и премьер посещали Польшу в апреле текущего года.

В политической плоскости стороны подтверждают свою заинтересованность во взаимодействии по вопросу интеграции Украины в ЕС и НАТО. При этом во главу угла ставится координация взаимных усилий.

Католическая Польша с присущей ей прагматизму мессианской окраской настойчиво повторяет свое желание остаться "адвокатом Украины" в европейских и евроатлантических делах, тем самым демонстрируя преемственность восточной политики периода президентства президента А.Квасьневского, приведшего Польшу в НАТО и ЕС. По заявлениям нынешнего президента Л.Качинского, Польша и Украина в тесном взаимодействии смогли бы стать "существенной силой в европейской игре". Некоторые аналитики полагают, что Польша сегодня плетет некое "макrame", пытаясь увязать макси-

мальное количество узелков нити интересов Вашингтона, Варшавы, Киева и Брюсселя.

Позиция Варшавы как "адвоката" вступления Украины в НАТО и ЕС продиктована ее стремлением играть особую роль в формировании и реализации так называемой "восточной политики" Брюсселя, направленной, в первую очередь, на Россию, Украину, Молдову и Беларусь. Польские политики неоднократно заявляли, что у Польши есть особый исторический опыт отношений с этими странами, чем, собственно, и обосновываются ее претензии на лидерство в восточном регионе Евросоюза.

На пути интеграции в западные структуры Украина рассчитывает на Польшу поскольку, как считают в Киеве, именно эта страна способна оказать Украине наиболее действенную и "ис-

кренную” помощь из всех европейских стран. Именно поэтому польский вектор в украинской внешней политике называется чуть ли не важнейшим направлением.

Неслучайно Киев назначил в Варшаву послом бывшего заместителя министра иностранных дел А.Моцика, занимавшегося в свое время европейской проблематикой, который после вручения верительных грамот заявил, что украинско-польские отношения являются “приоритетом в укреплении национальной безопасности и обеспечении стабильности в регионе и Европе в целом”.

Украина в силу особого исторического опыта связей с Польшей, а также с учетом явной проамериканской позиции последней, в свою очередь рассчитывает на серьезную поддержку Варшавы в достижении своих внешнеполитических целей в Европе. Отсюда, собственно, и ее курс на “стратегическое партнерство”. Вместе с тем, в украинском политикуме не скрывают, что Украина, будучи, самодостаточной страной на постсоветском пространстве, может и готова сама выступить в роли регионального лидера в Восточной Европе и взять на себя выполнение задач по продвижению “западных ценностей к российским границам” (отсюда проекты ГУАМ и Сообщества демократического выбора). Прямой выход на Брюссель для Киева само собой разумеющийся факт. Понятно, что при такой позиции Украина объективно становится соперником Польши при реализации восточной политики ЕС.

Первоочередной украинской задачей текущего года на западном треке Киев называет вступление в ВТО для быстрого вхождения Украины в зону свободной торговли ЕС, в чем Варшава оказывает содействие.

Следующим шагом должен стать запуск Плана действий для членства в НАТО (ПДЧ) с тем, чтобы сделать ре-

альным вступление Украины в Альянс в течение 2008 г. Украинцы в последнее время особо пытаются использовать польский опыт по формированию “объективного” имиджа НАТО, создав для этой цели специальную двустороннюю рабочую группу.

В отношении членства в ЕС Украина, как и Польша, полагает, что этот вопрос решится в более отдаленном времени, лет через 10–20, – может быть, во время председательства Польши в ЕС (2011 г.), – хотя Киев старается максимально сократить сроки вступления в Евросоюз.

В кратко- и среднесрочной перспективе стороны делают ставку на украинско-польский тандем в Центральной и Восточной Европе, который бы выступал с новыми политическими инициативами в формате Центрально-европейской инициативы (ЦЕИ), “Веймарского треугольника” и пр. для создания нового порядка в данном регионе. Среди текущих вопросов евроинтеграционного сотрудничества Украины и Польши обращают на себя внимание до сих пор не свойственные сторонам совместные попытки содействовать урегулированию так называемых замороженных конфликтов на постсоветском пространстве.

В контексте двусторонних отношений, осуществляемых на основе заявленной в 1990 г. так называемой “новой польской концепции восточной политики” и Договора о добрососедстве, дружеских отношениях и сотрудничестве (1992 г.), приоритет отдается экономическому сотрудничеству. Стороны намерены продолжить работу в формате Консультативного комитета на уровне президентов (создан в 1992 г., активизирован в 2007 г.) наряду с возобновлением деятельности межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Основное внимание на нынешнем этапе своих отно-

шений Киев и Варшава уделяют проблеме энергетической безопасности и инвестиционным проблемам, а также дальнейшему развитию межрегиональных и приграничных связей.

Энергетическая безопасность как главный вопрос общеевропейской политики вновь встал на повестку дня украинско-польских отношений особенно после “газового скандала” между Киевом и Москвой.

Акцент делается на то, чтобы найти способы частичного “избавления” от российской зависимости в вопросе энергетических поставок за счет альтернативных источников энергоресурсов. Польша стала инициатором проекта Европейского договора энергетической безопасности (ЕДЭБ), который передан правительствам стран-членов ЕС и НАТО в феврале 2006 г.

Подписанная в Киеве Декларация о развитии сотрудничества в энергетической сфере предусматривает, в частности, возможность поставок и транзита каспийской нефти до и через Польшу к Балтийскому морю. Поэтому речь уже идет об энергетическом взаимодействии Украины, Польши, Азербайджана и Казахстана и о достройке нефтепровода “Одесса – Броды” до Плоцка и далее до Гданьска для его аверсного использования.

Поляки не исключают на время производства строительных работ по проекту вариант временного использования “трубы” в направлении Словакии и Чехии, тогда как украинцы заговорили о белорусско-литовской альтернативе транспортировки южной (легкой каспийской) нефти на Балтику. Однако в связи с затягиванием Варшавой конкретной реализации “трубного” проекта украинцы фактически пригрозили “обойтись” без поляков в случае, если последние не примут на этот счет положительного решения. В любом

случае очевидно, что главная проблема заключается не столько в “трубе”, сколько в том, чтобы “найти поставщиков и потребителей нефти”. Переговоры по данному проекту продолжаются.

Стороны обсуждают, кроме того, планы создания совместного предприятия, которое могло бы заниматься продажей электроэнергии в Западную Европу.

Изменить ситуацию к лучшему, как представляется сторонам, призваны новые “нестандартные, специальные” меры, которые стороны намерены предпринять в контексте европейской энергетической безопасности. Очевидно, что сделать это Киев и Варшава хотят “против России и за счет России”, увеличив транзит российских углеводородов, например, поставок газа через свои территории до 3 млрд. куб. м в год.

Поэтому контакты Украины и Польши с Россией остаются предметом постоянного обсуждения сторон.

В Киеве, например, Л. Качинский заявил, что Польша хочет улучшить свои отношения с Россией, но при этом не за счет ухудшения контактов с Украиной. По его словам, такая позиция является польским “национальным интересом” и она, дескать, не должна отрицательно влиять на развитие отношений по линии Варшава – Москва. Киев же не перестает заявлять, что Украина жизненно заинтересована в максимально дружеских отношениях с Россией, однако видит свое будущее в ЕС.

Экономическое сотрудничество двух стран явно неадекватно создаваемому политическому фону отношений.

Ежегодный товарооборот не превышает в среднем 3 млрд. долл., взаимные инвестиции оцениваются в 1 млрд. долл. (2006 г.); процветает украинская “челночная” торговля.

На лицо – несбалансированность товарооборота и отсутствие крупных инвестиционных проектов.

Киев в последнее время несколько изменил тактику и дает понять полякам, что готов, например, возместить ущерб 35 польским предприятиям, понесенный ими в результате отмены правительством Ю.Тимошенко льгот для инофирм в специальных экономических зонах Украины.

Варшава, похоже, также готова пойти навстречу украинцам и собирается внести предложения по решению вопроса о положении украинских трудовых мигрантов в Польше (по разным оценкам, от 600 тыс. до 1 млн. чел., причем подавляющее большинство на нелегальном положении). Имеется договоренность, что украинские гастарбайтеры до трех месяцев могут работать в Польше без специального разрешения.

Между Киевом и Варшавой существует и “мясная проблема”: действует временный запрет украинских ветеринарных служб на ввоз мясoproдуктов с территории Польши от марта 2006 г. Однако она не приобрела такого политического звучания, как в случае между Польшей и Россией.

Тем не менее, создана специальная рабочая группа, которая занимается нормализацией сложившейся ситуации. Особенность здесь в том, что Польша стремится использовать Украину как канал транзита своего мяса на российский рынок.

В оборонной сфере стороны отдадут предпочтение подготовке среднесрочных программ двустороннего сотрудничества и участию подразделений своих ВС в многосторонних проектах.

Речь идет о перспективах украинско-польского батальона, о создании совместного украинско-польско-шведского проекта по подготовке военнослужащих к участию в миротворческих операциях, а также о проведении украинско-польского-британского тактического учения аэромобильных подразделений “Казацкая степь”.

Кроме того, стороны намерены создать совместный с литовцами миротворческий батальон “УкрПолЛитБат” и обсуждают возможность включения представителей службы правопорядка ВС Украины в состав международного батальона военной полиции.

Практически эти и подобные усилия способствуют сближению Украины с НАТО.

Развитию отношений на гуманитарном направлении, несмотря на позитивную риторику (“историческое примирение двух народов” президенты Украины и Польши называют среди основных приоритетов сотрудничества), сопутствует наличие взаимных исторических претензий, даже фобии, которая по-прежнему является важной частью национальной идентичности как поляков, так и украинцев.

Если при А.Квасьневском польский политикум пытался акцентировать положительные стороны “примирения” (совместное заявление 1997 г. президентов Л.Кучмы и А.Квасьневского “К взаимопониманию и единению”), то при правонационалистическом руководстве в Польше братьев Качинских ситуация изменилась: теперь польское общественное мнение все больше склоняется к тому, чтобы потребовать от украинцев покаяния за злодеяния УПА над польским населением (а от украинского государства – материальной компенсации жертвам украинских националистов) накануне, в ходе и после Второй мировой войны.

Правда, есть мнение, что чрезмерная настойчивость в этом вопросе может привести к ухудшению двусторонних отношений. Это могло бы отрицательно сказаться и на позициях Польши и Украины в ЕС. На официальном уровне, однако, исходя из “политической целесообразности”, ни у одной из сторон в этом явной заинте-

рессованности нет. Акцент делается на том, чтобы “откровенно дискутировать о сложной истории взаимоотношений и высвободиться от напасти фальшивых дилемм”.

По мнению министра иностранных дел Украины А.Яценюка, сторонам следует стремиться к постепенному сближению позиций по неоднозначным сюжетам совместного исторического процесса.

Тем не менее, очевидно, что поляки, равно как и украинцы в отношении действий Армии Крайовой на так называемых восточных “кресах” Речи Посполитой, не собираются предавать забвению столь болезненное для обоих народов недавнее историческое прошлое. Польские СМИ, например, время от времени возвращаются к Волынской трагедии, подчеркивая, что преступления украинских националистов “невозможно забыть” и квалифицируя его как “кровавый геноцид против народов Польши”¹.

Военные действия ОУН–УПА в отношении польского населения по полной его ликвидации на Волыни, в Полесье и Восточной Галиции начались весной 1943 г. и продолжались в разной форме до 1947 г. По некоторым данным, так называемые этнические чистки 1943–1944 гг. на Волыни унесли жизни более 60–80 тыс. поляков.

В свою очередь, Армия Крайова (польская подпольная войсковая организация) стремилась сохранить контроль над землями, входившими ранее в состав польского государства. В результате имела место кровавая борьба между украинскими и польскими силами за территорию. Завершением этой борьбы стала военная операция “Висла” в 1947–1951 гг. (принудительные выселения от 800 тыс. до 1 млн. украинцев с земель Лемковщины, Холмщины, Подляшья, Надсанья на “вновь обретенные” земли на западе Польши).

Официальной Варшавой проводится параллель между волынскими и катынскими событиями, а посему, мол,

есть следствие по Катynie, будет и по Волыни. Взрывоопасный потенциал велик, но пока удерживается в контролируемом состоянии только усилиями центральной власти в Варшаве.

Западными аналитиками это воспринимается как сигнал, что драматический эпизод истории может быть в любое время использован варшавскими властями как “резервное средство” для выяснения отношений с Киевом в случае “неправильного поведения” последнего.

В гуманитарном плане существуют также проблемы, связанные с обеспечением прав украинского меньшинства в Польше (до 500 тыс. чел.), удовлетворением культурно-национальных потребностей этнических поляков на Украине (по разным данным от 250 тыс. до 1 млн. чел.).

Представляется, что польская “восточная политика”, в том числе в отношении Украины, мотивируется двумя основными причинами:

Во-первых, польская “адвокатура” Украине основана не на бескорыстии, а продиктована стремлением Варшавы стать региональным лидером в Восточной Европе и нести ответственность за восточную политику ЕС в целом.

Варшава ставит своей целью модернизировать постсоветское пространство и отодвинуть восточные границы ЕС как можно дальше на восток.

Приоритетное место в решении этой задачи отводится именно Украине, которая неизменно присутствует в повестке дня политдиалога Польши со всеми ее крупными партнерами. Поэтому любое сближение Украины с Россией расценивается как проявление региональных амбиций Украины и воспринимается Варшавой чуть ли не как угроза национальной безопасности Польши. Отсюда нежелание Варшавы так или иначе соучаствовать в регио-

нальных объединениях под эгидой Украины. Впрочем, по настоянию Киева, Варшава все больше склоняется начать сотрудничество с региональным объединением ГУАМ, в котором Украина играет первую скрипку.

Во-вторых, в контексте “оранжево-коалиционного примирения”, которое имело место, как считают в Варшаве, благодаря вмешательству в процесс А.Квасьневского, поляки, по существу, укрепили свои позиции по гуманитарным и историческим спорам.

Прежде всего, это касается мемориала славы польского оружия в борьбе за Львов и Галицию в 1918–1920 гг. “Львовские орлята”, открытие которого состоялось в целом по польскому сценарию (сохранение основной атрибутики памятника, присутствие всех первых лиц польского государства и многотысячного отряда паломников из Польши, проведение евхаристического собора Римско-Католической Церкви (РКЦ) и Украинской Греко-Католической Церкви (УГКЦ) под лозунгом “прощаем вас и просим простить нас”).

Киеву удалось лишь настоять на подписании договора об уважении памяти украинцев, погибших от рук поляков во время и после Второй мировой войны и похороненных на территории Польши.

Взаимоприемлемой оценки до сих пор не получили проблема Волынской трагедии, операция “Висла” (несмотря на подписание в 2007 г. совместной декларации по случаю ее 60-летия, в которой трагедия охарактеризована как спланированная репрессивная акция бывших тоталитарных режимов), а также новая-старая проблема “обмена” культурными и историческими ценностями, по-прежнему находящимися в собственности другого государства.

Аktivизация двустороннего сотрудничества Украины и Польши, их, как утверждается в обеих столицах, чрезвычайная взаимозависимость, в том числе по вопросам международной

политики, не может не настораживать Россию.

Украина исторически была и в настоящий период остается объектом “стратегических” интересов России и Польши.

После провозглашения независимости и переориентации на Запад Украина все больше обособляется от России, что негативно сказывается практически на всем комплексе российско-украинских отношений.

Роль Польши здесь нельзя недооценивать. Будучи откровенным союзником США (не только в НАТО), имея свое особое мнение в ЕС, фактически лидируя в Вышеградской группе, Карпатском Еврорегионе и “Вильнюсской десятке”, а также претендуя на главную роль в создаваемом на западных рубежах России Сообществе демократического выбора (СДВ), Варшава для Киева является практически единственным реальным стратегическим партнером по последовательному продвижению Украины в европейские и евроатлантические структуры.

Если та или иная форма ассоциации Украины с ЕС является делом нескорого будущего, то вступление в НАТО можно считать практически решенным вопросом: остается лишь соблюсти необходимые процедуры.

В случае успешного перетягивания Украины на Запад Варшава на практике получит возможность превратиться в реального восточноевропейского регионального лидера, что, очевидно, усложнит российскую позицию в ЦВЕ и в данной части постсоветского пространства. Может произойти качественное геополитическое изменение на пространстве между ЕС и Россией, причем не в пользу российских позиций в регионе. Тем более, что и Варшава, и Киев убеждены, что Россия в обозримые десятилетия вряд ли осмелится на противостояние с Европой.

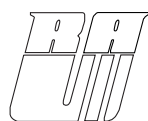
Очевидно, что в Варшаве и Киеве имеются силы, которые заинтересованы в нагнетании антироссийских настроений. Они влияют на политическое поведение лидеров двух стран в отношении Москвы.

Однако, как представляется, вряд ли следует преувеличивать значение “антироссийской составляющей” украинско-польского партнерства. Украину и Польшу связывают с Россией не менее “стратегические” узы, продиктованные как историческими факторами,

так и прагматическими интересами этих достаточно крупных, но в экономическом отношении слабых и зависимых европейских государств. И уж во всяком случае, украинско-польское партнерство вряд ли может серьезно повлиять на реализацию Россией своих интересов на постсоветском пространстве и в ЦВЕ: бывшие связи и влияние восстанавливаются и укрепляются здесь на принципиально новых, прежде всего экономических условиях, диктуемых Россией.

Доминирующей в Евросоюзе настрой на развитие отношений с Россией в целом учитывается и в Польше—члене НАТО и ЕС, и на Украине – в государстве, стремящемся в евро- и евроатлантические структуры. Поэтому проявляющийся в этих странах в последнее время определенный негатив к России продиктован, похоже, некомпетентностью его носителей и имеет скорее эмоциональный характер.

Россия, несмотря на антироссийскую риторику части политикума Украины и Польши, по-прежнему проводит четкую линию на улучшение отношений с этими странами за счет оптимизации отношений как с каждой в отдельности, так и в контексте своих отношений с ЕС и НАТО. Тем более, что “дружественная Украина – это залог снижения накала антироссийских амбиций” не только на Украине, но и в Польше.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru